

«Кончилась война! Мир!»

Михаил Плеханов,
заслуженный строитель России

Михаил Сергеевич Плеханов родился 31 августа 1929 года. В 1954-м окончил Киевский гидромелиоративный институт. После работы в Ферганской долине был переведён на строительство Камской, затем Воткинской ГЭС. В 1958 году вернулся в Пермь, работал на стройках промышленных предприятий края. С января 1970-го по 1992 год — главный инженер в Управлении капитального строительства Пермского горисполкома. С 2006-го по март 2011 года — советник главы Перми по вопросам строительства систем водоснабжения и водоотведения. С 2011 года читает курс лекций «Гидрогеология Пермского края» в Пермском национальном исследовательском политехническом университете.

В 1945 году наша семья жила в Сарапуле Удмуртской АССР, я учился в восьмом классе и чётко помнил жизнь, прожитую во время войны. Войны, начавшейся для нас погожим днём 1941-го в Ленинграде.

В тот день с раннего утра над крышами домов города носились истребители, как когда-то, во времена финской кампании, защищая северную столицу от возможных налётов противника. В 12 часов мы услышали по радио, что началась война. Немецкие самолёты бомбили Киев, а у нас уже были куплены билеты для поездки на летние каникулы в Ивановскую область, в город Родники, откуда мы были родом.

На семейном совете решили ехать вдвоём с мамой. Отец оставался в Ленинграде: он был начальником каравана землечерпательных машин, работающих на углублении канала от острова Котлин, на котором построен Кронштадт, до причалов морского вокзала.

В феврале 1942 года отца эвакуировали из Ленинграда через Ладожское озеро по Дороге жизни. В начале августа после лечения его вызвали в Молотов, в Управление речных путей Камского бассейна, которое обеспечивало судоходство по рекам бассейна: Каме, Вятке, Белой, Чусовой, Сылве.

Так наша семья оказалась в эвакуации в Молотове. Помнится первый взгляд на город со ступенек железнодорожного вокзала Пермь II — на привокзальную площадь и до небольшой речки, как оказалось позднее, Данилихи, где раскинулся лагерь беженцев, ещё не нашедших приюта. А далее — одно- и двухэтажные, в основном деревянные дома с огородами. После каменного Ленинграда, где дворы больше напоминали колодцы, сложенные из камня, просторы и огороды

уральского города показались нам большой деревней. Улица Ленина предстала как окраина с одноэтажными домами и громадными приусадебными угодьями, мимо которых с грохотом проносились трамваи — куда-то вдаль, где дымились заводские трубы и слышался характерный гул промышленных цехов.

Уже на следующие сутки у нас появилась крыша над головой. Жили в домике на берегу Камы, напротив речного вокзала, в комнате в 9 кв. м.

Это было тяжёлое время. Школьнику выдавали хлебную карточку по 400 г на день. Остальное, как говорили, «припёк»: мясо, сахар, масло — то, что полагалось на месяц. Летом 1943 года я наловил десяток кубометров пльвущих по Каме бесхозных брёвен, потерянных при сплаве плотов, выгацил на берег, распилил, расколол, сложил поленницей для просушки.

Заготовленных дров хватило на всю зиму. У меня появилась возможность каждое воскресенье отвозить на санках по льду через Каму и продавать на рынке в Разгуляе две-три вязанки берёзовых дров, по пяти полешков каждая. На вырученные деньги покупал буханку, а то и две чёрного хлеба и литр молока для маленькой сестрёлки, родившейся в Молотове. Тогда вязанка дров стоила 100 руб., буханка хлеба — ровно столько же. Средний месячный заработок инженерно-технического работника составлял 700–1500 руб.

Всем известно, что во время войны в Молотов была вывезена театральная труппа ленинградского Мариинского